

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Об авторе | Светлана Шнитман-МакМиллин родилась в Ленинграде, детство провела в Мариуполе, Горках (Белоруссия) и Мурманске, где училась в средней школе. Окончила исторический факультет ЛГУ и три года работала в Эрмитаже экскурсоводом и лектором. В 1977 году уехала в Швейцарию, где получила диплом Базельского университета. Защитила диссертацию в Лозаннском университете на тему «Цитатная структура “Москвы — Петушков” Венедикта Ерофеева». Переработанная в монографию «Венедикт Ерофеев “Москва — Петушки” или “The rest is silence”», она вышла в 1989 году в издательстве Peter Lang. Второе издание было напечатано в «Новом литературном обозрении» в 2022 году. Автор книги «Георгий Владимов: бремя рыцарства» (М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022). С 1994 года живет в Лондоне. Профессор русского языка и литературы Института по изучению славяноведения и Восточной Европы Лондонского университета.

Светлана Шнитман-МакМиллин

Скрещенья судеб

К истории одной находки: о переписке Василя Быкова и Георгия Вылчева

Работая в архиве Бременского университета над книгой о Георгии Владимове, я узнала, что среди несметных эпистолярных сокровищ собрания находятся письма Василя Быкова. Я попросила копию его материалов¹. Причин для моего интереса было две, личная и профессиональная.

Я выросла в доме, где царил культ Быкова. Мой отец, прочитав «Журавлиный крик», а потом «Третью ракету», сказал: «Он лучше всех пишет о той войне, на которой я воевал». И, судя по обширной переписке отца с однополчанами, эту фразу с вариациями повторяли тысячи, если не миллионы прошедших войну людей. Отец считал Быкова самым значимым писателем того времени. Моя мать, выросшая в Гомеле, обожала Белоруссию и белорусский язык. Она написала своему брату, жившему в городе Мосты Гродненской области, и попросила посылать ей все выходящие книги Быкова на белорусском языке. Таким образом, в Мурманске за Полярным кругом в нашей крохотной хрущевке, где на 28 метрах жили пять человек и буквально яблоку упасть было негде, на маленькой полке в углу кухни стояли книги Василя Быкова на белорусском языке. И мы постоянно слышали от мамы, что, читая по-русски, мы не можем полностью оценить все достоинства его прекрасной прозы. Пути моей семьи много раз пересекались с жизнью Быкова, не напрямую, но, по выражению Надежды Яковлевны Мандельштам, «интегральными ходами»² судьбы. Такие скрещенья рождают в нас неоправданное, но интимное чувство близости с судьбой любимого художника. Оно укрепилось во мне, когда я прочитала мемуары Василя Быкова «Долгая дорога домой». Я приведу лишь несколько примеров.

БОЛГАРИЯ — «НЕ БЫЛО МИЛЕЕ УГОЛКА...»

Осенью 1944 года Василь Быков в составе Советской армии оказался в Болгарии. Позднее он писал: «Благословенная страна Болгария с ее замечательным по своей доброте народом впервые явилась в мою судьбу в предпоследний год Великой войны, и в ту драматическую пору для солдатского сердца не было милее уголка в Европе»³. Официально Болгария в войне до этого времени была союзницей Гитлера. Но в стране действовало очень активное партизанское движение, в котором принимали участие широкие круги населения, особенно молодежи. Это был период большой любви к русским, традиционной, сохраняющей память о роли России в освобождении Болгарии от турецкого господства, и вновь ожившей после освобождения от нацистов. Прекрасная страна, теплый климат, виноградные вина, вкусная южная еда в дешевых ресторанчиках — во времена страшной мировой войны Болгария казалась молодым офицерам раем. Несмотря на то что там произошел очень неприятный эпизод, когда комсорга Быкова по доносу чуть не обвинили в растрате комсомольских взносов⁴, Болгария осталась в его памяти как край радости и жизнелюбия.

Быков думал, что исторические судьбы обоих народов схожи, и это особенно сближает их: «В памятный сентябрь сорок четвертого мы навеки разломали хлеб самой искренней дружбы и увидели, какую бездну добра вмещает в себе благородное сердце болгарина. Конечно, нетрудно догадаться, откуда эта щедрость на дружбу — она в драматизме исторического прошлого народа, и в этом смысле мы не можем не заметить поразительную общность исторических судеб болгар и белорусов. Все тяжелейшие испытания, выпавшие на долю болгарского народа, близки и понятны белорусам, тоже полной чашей испившим на своем веку и многовековой гнет, и национальное истребление, и нравственное и духовное закрепощение. Надо ли говорить, как это объединяет и сплачивает»⁵.

Болгария занимала особое место и в жизни моей семьи. Вернувшись с войны, отец получил место преподавателя на историческом факультете Ленинградского университета. В качестве общественной нагрузки ему поручили курировать группу болгарских студентов, бывших партизан, приглашенных для получения образования в СССР. Быстро выучив болгарский язык, отец очень подружился со своими веселыми подопечными. Впоследствии они стали известными учеными, дипломатами и чиновниками в высших эшелонах власти. Они приезжали к нам повидаться и приглашали к себе родителей. В нашей квартире было много болгарской керамики, вышивок и стояли флакончики духов из болгарских роз. Болгария стала первой зарубежной страной, которую я смогла посетить, и особое чувство к этой прекрасной земле осталось во мне навсегда.

ГРОДНО — «ЧАСТЬ СУДЬБЫ...»

Другой точкой пересечения судеб стал город Гродно. Демобилизовавшись из армии, Василь Быков впервые посетил его 9 мая 1947 года: «Как раз в День Победы выехал поездом в Гродно — город, в котором у меня не было ни одного знакомого, ни одной близкой души. Кто мог знать, что этот город станет моим приютом на долгие годы, частью моей судьбы? Город мне понравился с первого взгляда. Не столь уж разрушен, только в центре несколько зданий лежали в развалинах. Явно “западный” облик, черты Средневековья — в старинных зданиях, костелах, в каменной брусчатке мостовых. Два старинных замка. Один

из них над Неманом. Архитектура хотя и “западная”, в то же время какая-то очень своя, белорусская. Это сразу легло мне на сердце радостью, повеяло чем-то милым, чего никогда не было на чужбине, в далеких западных городах. Полдня бродил по улицам, присматривался, но зайти куда-нибудь не решился»⁶.

После этого посещения Быков решил осесть в полюбившемся ему городе. Но, призванный вновь в армию в 1949 году, он смог поселиться в Гродно только шесть лет спустя. Став со временем редактором литературного отдела в газете⁷, Быков постепенно все больше входил в литературную жизнь. Быт налаживался, жена Надежда увлеченно работала в школе, преподавая русский язык и литературу, подрастали и «дружно дрались» сыновья, Сергей и Василь. Именно в Гродно состоялась писательская судьба Василя Быкова — крупнейшего мастера военной прозы. Он жил потом в Минске, и в эмиграции судьба занесла его в Хельсинки, Франкфурт-на-Майне и Прагу, — но Гродно оставался особым городом его судьбы.

Таким, несмотря на короткий период жизни там, был этот город и в судьбе моих родителей. Окончив Ленинградский университет в 1940 году, они поехали на работу в Гродно. Отец преподавал историю в Педагогическом институте, мама определилась в школу. В мае 1941 года родился мой брат Валерий. Чувство счастья заливало маленькую семью. 22 июня предполагался веселый пикник со студентами за городом на берегу Немана. С вечера были подготовлены продукты и уложено все, что нужно на день для спокойного очаровательного младенца. Около пяти утра с улицы послышался грохот машин, танков и крики солдат. Выглянув в окно, отец сказал: «Я схожу в военкомат, узнаю, в чем дело», — и вышел из дома, захватив с собой паспорт и военный билет. Он был немедленно мобилизован. Вновь увидеть жену и сына ему довелось лишь после четырех с половиной лет долгой войны.

Встревоженная мама вышла на улицу. К ней подошел офицер: «Женщина, что вы стоите? Бегите скорее, через два часа здесь будут немцы. Война». Схватив деньги и паспорт, мама с ребенком на руках села в первый же уходящий на восток поезд. Прямо перед посадкой она услышала разрыв бомбы — одно из зданий в центре города было разрушено. Родители не смогли вернуться жить в Гродно после войны. Но, навещая родных в Белоруссии, они каждый год ездили в Гродно побродить по любимому городу, и когда они говорили о нем, особый отсвет, в обычной жизни совершенно им не свойственный, появлялся на их лицах. Помню, как однажды, вернувшись из Гродно, они сказали: «На улице мы видели Быкова». Папа очень сожалел, что не подошли.

Живя в Гродно, Василь Быков ездил рыбачить с сыновьями и друзьями на моторной лодке по Неману, доезжая иногда до городка Мосты⁸, где река была особенно широкой и глубокой. По слухам, там водились большие щуки и огромные сомы. Каждое лето меня отправляли в Мосты на каникулы к дяде, главному инженеру фанерной фабрики. Почти сразу за нашим домиком начиналось большое поле, по которому узенькая тропинка вела к песчаному косогору, круто спускавшемуся к широкой, темной, беспокойной, с внезапными водоворотами реке. На другом берегу густой стеной стоял дремучий лес. На узкой полоске земли между ним и Неманом забрасывали удочки приехавшие на лодках рыбаки. Мы со своего косогора кричали им приветствия, отчаянно размахивая руками. Едва ли звук наших голосов долетал до них. Но мне хочется думать, что одним из тех, кто отвечал нам размашистым движением руки, был Василь Быков.

ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ НЕ СЛУЧИЛАСЬ

Когда я переехала в Англию, белорусские книги Василя Быкова, стоявшие на мурманской кухонной полочке, переместились в нашу лондонскую квартиру. Арнольд МакМиллин, мой муж — профессор русской литературы и музыки Лондонского университета, был одновременно специалистом по белорусской литературе. В аспирантуре он написал диссертацию по истории белорусского языка и литературы со времен Франциска Скорины и до Второй мировой войны⁹. Опубликованная как монография, она была первым большим исследованием в этой области на Западе. Продолжая — одновременно с русистикой и музыковедением — исследования белорусской литературы, он издал о ней еще несколько книг и написал множество статей.

Арнольд дружил с Василем Быковым, часто встречался и проводил с ним время в Минске, куда ездил ежегодно. Он писал о прозе Быкова и навещал его в эмиграции, стараясь помочь и поддержать. Для юбилейного сборника, посвященного Арнольду, Василь Быков прислал специально написанную им по-белорусски притчу «Тюрьма “Траум”». Я перевела ее на русский язык и послала Быкову, который одобрил мой перевод¹⁰. В мае 2003 года мы полетели в Прагу к Быкову, уже зная, что он смертельно болен. Но опоздали на один день. Жена увезла его в Белоруссию, где он скончался месяц спустя. Моя встреча с Василем Владимировичем Быковым не состоялась, но он был и остался для меня — *моим* писателем, частью моей судьбы, и пройти мимо его переписки в архиве я не могла.

ПРОЦЕСС ДАНИЭЛЯ И СИНЯВСКОГО

Существовала и профессиональная причина для моего интереса к корреспонденции Быкова. Я написала книги о двух очень разных писателях, Венедикте Ерофееве и Георгии Владимове. Но был один момент совпадения: оба чрезвычайно высоко оценивали творчество Василя Быкова. Венедикт Ерофеев, измерявший все в градусах и граммах алкоголя, объявил в одном из своих интервью, что Василию Быкову он бы налил полный стакан водки «с мениском» — высочайшая похвала¹¹. Владимов же, говоря о современниках, сказал, что лучшим из живущих в то время писателей он считал Быкова, дав определение — «могучая проза»¹².

Я знала, что был какой-то, вероятно, не прямой контакт Быкова и Владимирова. Когда в 1966 году начался процесс Даниэля и Синявского, Константин Паустовский и Корней Чуковский направили в суд положительные отзывы об их творчестве и просьбу об освобождении. Кроме того, 62 писателя подписали письмо против судебного преследования. Пытаясь найти компромисс с властью, подписавшие предлагали не судить двух литераторов, а отпустить их «на поруки» Союза писателей.

Было и второе письмо протеста, собравшее подписи молодых, но уже известных прозаиков и поэтов. Василий Аксёнов, побывав в первый день в зале суда, где шел процесс Даниэля и Синявского, вышел оттуда очень мрачным. Найдя в Центральном доме литераторов Георгия Владимирова, он сказал: «Надо писать». Матери обоих писателей прошли ГУЛАГ, оба с ранних лет узнали на себе, что такое сталинские репрессии, и настрой у них был соответствующий. Они поехали в редакцию журнала «Юность», где встретились с Анатолием

Гладилиным и написали текст. Их письмо было более радикальным, чем письмо старших коллег. Владимов вспоминал: «Мы писали о государственном престиже и несовместимости этого позорного судилища с демократией и цивилизацией. О том, что нельзя судить писателя — за публикацию. Текст был короткий, но энергичный»¹³.

Письмо подписали 18 человек, среди них Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Войнович, Евгений Евтушенко, Наум Коржавин и другие. Посоветовавшись, Аксёнов с Владимовым решили попросить о подписи Василя Быкова. Быков был всего на семь лет старше Аксёнова, но разница была в опыте войны, о которой Быков писал как ее участник. Поэтому более молодые коллеги надеялись, что его имя и авторитет усилят их обращение. Быков сразу согласился подписать письмо. Отправив обращение Брежневу, Косыгину и Подгорному, Аксёнов и Владимов по неопытности не оставили себе его копии, и текст послания на сегодня утрачен.

За эти два писательских письма выступавшему на XXIII съезде КПСС Михаилу Шолохову, тоскующему о «революционном правосознании» первых лет советской власти, когда можно было бы расстрелять «этих молодчиков» (Даниэля и Синявского) без суда и следствия, было «стыдно»¹⁴. На его выступление замечательным открытым письмом ответила Лидия Чуковская: «Вы поднялись на трибуну как представитель советской литературы. Но Вы держали речь, как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей»¹⁵. Юлий Даниэль и Андрей Синявский были осуждены на пять и семь лет лишения свободы.

Для подписавших молодых писателей последствиями стали не только «душеспасительные» беседы с литературной и партийной номенклатурой, но и задержка или полная блокировка книг и публикаций.

Так как я знала эту историю, у меня была тайная надежда, что вдруг среди писем Василя Быкова я обнаружу в архиве какую-то корреспонденцию между ним и Георгием Владимовым. Вместо этого я получила переписку Быкова с совершенно неизвестным мне Георгием Вылчевым.

ВАСИЛЬ БЫКОВ И ГЕОРГИЙ ВЫЛЧЕВ

В мемуарной книге «Долгая дорога домой» Быков пишет о посещении Гродно болгарскими литераторами. Сначала приехал Найден Вылчев, некоторое время спустя — его коллега Георгий Вылчев¹⁶. Все, кто жил в СССР в 1950–1970-е годы, помнят ту приподнятость и возбуждение, которые мы испытывали, особенно живя в провинции, когда нам приходилось встречаться с иностранцами. Хотя мы шутили: «Курица не птица, Болгария не заграница», — но и Болгария была окном в другой мир. Найден Вылчев, родившийся в 1927 году, дипломат, известный поэт, автор популярных песен и прекрасный переводчик, обменивался письмами с Быковым и глубоко ценил его талант. Во время посещения Гродно Найден Вылчев поразил белорусских коллег тем, что, он — как Иоганн Вольфганг Гёте в тексте «Москвы — Петушков» — «не пил ни грамма»¹⁷, то есть был совершенным трезвенником. Несмотря на эту аномалию, Быкову и его коллегам гость очень понравился. Позднее Найден Вылчев перевел на болгарский повесть Василя Быкова «Полюби меня, солдатик» и написал эссе — воспоминания о Быкове¹⁸. Я связалась с ним по телефону. Он отзывался о Быкове с восхищением и сказал, что в его архиве есть письма писателя, но архив не разобран, и в силу своего возраста — 98 лет! —

заниматься этой работой он не может. Но обещал переслать мне эти письма, если найдет их среди бумаг.

Мгновенная теплая дружба и многолетняя переписка завязалась у Быкова с другим Вылчевым — Георгием: «Меня всегда радуют твои письма, я уже можно сказать заочно полюбил твой характер и твою добрую, отзывчивую душу. Думаю, что мы навсегда останемся хорошими друзьями-братушками» (26.03.1963).

Узнать подробности биографии Георгия Вылчева оказалось нелегко. Вылчев родился в 1926 году в Софии. Он очень рано проявился как звезда болгарской славистики, защитив все возможные диссертации, и к 40-летнему возрасту стал профессором Софийского университета и действительным членом Болгарской академии наук. Его основной специализацией были «маленькие» славянские языки. Георгий Вылчев переводил и редактировал переводы книг Быкова с белорусского на болгарский. Он хорошо понимал и читал по-белорусски, однако активно языком не владел. Было лишь одно первое письмо в 1961 году (точная дата не указана), написанное Быковым по-белорусски. Это письмо показывает профессиональное доверие, приязнь к болгарскому коллеге и надежду на продолжение знакомства. Но Быков понял, что писать на белорусском языке было бы контрпродуктивным, так как Вылчев явно не смог бы ему отвечать, и перешел на русский. Вылчев отвечал по-русски бойко, но игнорируя при этом грамматические и иные правила могучего языка. Вскоре Быков стал называть болгарского друга Юрой: «Нил Гилевич сказал, что так тебя называл в Софии, поэтому позволь и мне так называть тебя» (18.10.1963).

В 1973 году Георгий Вылчев получил грант для работы в Финляндии и последующие годы преподавал и занимался исследованиями в университетах Хельсинки и Турку. Ему чрезвычайно понравилась северная страна, и он очень хотел там остаться. По словам Найдена Вылчева, сказанным с некоторой иронией в нашем телефонном разговоре, Георгий был «невозвращенец» — клеймо, которое органы госбезопасности вешали на граждан, оставшихся на Западе. Но в какой-то момент гранты закончились, и Вылчеву пришлось уехать из Финляндии. Дальше проследить его передвижения очень трудно. Он жил недолго в Швеции, а потом какое-то время в Германии. В 1990-х Георгий Вылчев вернулся в Софию, где умер в 2006 году.

Все письма Василя Быкова к Георгию Вылчеву, содержащиеся в архиве Бременского университета, относятся к периоду 1961–1973 годов, хотя переписка продолжалась и потом. В рамках этой статьи я буду писать только о письмах самого Быкова, которых насчитывается сорок одно (включая открытки и фотографии с курортов). Вместе с копиями его писем я получила фрагмент письма Игоря Костецкого (1913–1983), адресованного Георгию Вылчеву, из которого становилось ясным, как письма Быкова попали в архив.

Игорь Костецкий (Мерзляков), прозванный в эмиграции Леопардом за свою импозантную внешность и неизменную элегантность, был немецким драматургом украинского происхождения. Он получил театральное образование режиссера и перед войной собирался ставить с Александром Довженко фильм «Слово о полку Игореве». Оказавшись в оккупации, Костецкий был отправлен в 1942 году из Винницы на принудительные работы в Германию. После войны был помещен в один из лагерей для перемещенных лиц. Еще находясь там, он страстно влюбился в немецкую поэтессу Елисавету Готмейер, женился на ней и остался в Германии, став со временем членом немецкого ПЕН-клуба.

Как произошло знакомство Георгия Вылчева с Игорем Костецким, мне неизвестно. Но переписка предполагает теплые личные отношения, так как начинается с обращений «Дорогой друг!». В 1973 году, выехав в Финляндию, Вылчев написал Костецкому письмо с деловым предложением. Идея его заключалась в публикации писем Быкова (он утверждал, что писатель дал ему на это разрешение) в немецком академическом журнале. Адресант хотел, чтобы Костецкий перевел корреспонденцию на немецкий язык, а сам Вылчев сопровождал бы ее комментариями. С этой целью он послал Костецкому оригиналы писем Быкова. Прочитав их, Костецкий ответил, что, хотя он не видит возможности напечатания этих писем в Германии, но сохранить их необходимо как «волнующий человеческий документ» о жизни писателя в СССР. Корреспонденция оставалась на хранении у Костецкого и была передана в бременский архив вместе с его бумагами.

ТЕМАТИКА ПИСЕМ

Письма Василя Быкова Вылчеву очень разнообразны по тематике. Очень большое место занимают в них личные и бытовые темы и мотивы, что свидетельствует о близкой и теплой дружбе. Быков подробно писал о болезнях и школьных отметках детей (далеко не всегда радовавших родителей), о ремонте квартиры, об известных всем, кто жил в 1960–1970-х в СССР, сложностях при покупке элементарной мебели, например, необходимого писателю письменного стола. Писала также его жена Надежда, делившаяся новостями и впечатлениями о своей работе в школе и заботившаяся о том, как сделать все посещения Вылчевым их дома более удобными и приятными. С энтузиазмом писали и сыновья, особенно младший Вася, посылавший свои рисунки (талант к рисованию явно унаследован им от отца) и хваставшийся потом во дворе болгарскими марками, полученными от дяди Юры.

Быков рассказывал также и о своих душевных переживаниях: «Только что приехал домой из поездки в деревню к отцу, который заболел и чувствует себя неважно. Что поделать: 76-й год, и так молодец, прожил такую трудную жизнь и все в работе, каждодневных хлопотах и лишениях. Там же я навестил некоторых друзей детства и земляков, посмотрел на их жизнь и порядки. Потом по своим творческим делам съездил на Украину, в места, где пришлось воевать, пролить кровь и где похоронены мои товарищи. Все это очень трогательно, но мало веселого, скорее наоборот» (01.08.1964).

Василю Быкову очень хотелось, чтобы его болгарский друг полюбил Белоруссию и научился любоваться ею: «Получаем все твои открытки с видами болгарских городов, которые мне особенно дороги. Ждем тебя на нашу белорусскую землю с нетерпением. Очень хочется, чтобы ты увидел ее в самую лучшую пору лета, которую я люблю, потому что сейчас наша земля действительно хороша» (01.07.1964).

Сам он часто вспоминал Болгарию и писал Георгию Вылчеву: «Мне очень хотелось бы встретиться с тобой на очень дорогих моему сердцу болгарских дорогах, где осталась частичка моего сердца, увидеть таких искренних и теплых твоих соотечественников» (1961). Этот мотив повторялся постоянно: «У меня же привязанность к твоей, Юра, стране старая, потому что Болгария — это моя молодость, конец войны, жизнь. Жаль, что это счастливое время так быстро кончилось» (18.10.1963).

Быков, взяв на себя культуртрегерскую роль, регулярно информировал Былчева о происходящем в белорусской литературе и советском кино. Он обычно перечислял книги или фильмы, кажущиеся ему интересными, лишь изредка добавляя более подробные оценки или давая свой комментарий: «Из новых произведений прозы порадовали нас А. Адамович своим романом “Сыновья уходят в бой” (“Дружба народов”, № 7–8), И. Шамякин романом “Сердце на ладони” (“Полымя”, № 8–9), хотя последним я не очень доволен» (18.10.1963). Быков неизменно высоко оценивал прозу и исследования Адамовича, считая его работы обязательным чтением для болгарского ученого. В тех случаях, когда его особенно трогали произведения белорусских писателей, отзывы бывали более распространенными и теплыми: «Недавно прочитал одну очень хорошую современную белорусскую повесть. Это — “Абжыты кут” Алеся Асіпенкі, напечатанный в № 11 и 12 журнала “Маладосць”. Отличная повесть, очень правдивая и сердечная — из колхозной жизни нашего времени. Если ты захочешь ознакомиться с ней — могу послать. Книгой ее не издают» (27.04.1964).

Быков рекомендовал другу посмотреть фильм Самсона Самсонова «Оптимистическая трагедия» по одноименной пьесе Всеволода Вишневского, а также кинокартину «Самый медленный поезд» по сценарию Юрия Нагибина, снятую на Свердловской киностудии режиссерами Валерием Усковым и Владимиром Краснопольским, которая очень понравилась писателю (18.09.1963).

Василь Владимирович сообщал также о писательско-политических новостях, например, о смене руководства Союза писателей Белоруссии: «Бровка ушел, первым секретарем избран Максим Танк, который произнес первую свою речь, в целом понравившуюся всем» (01.12.1966).

Самая болезненная тематика — о публикациях произведений прозаика и их экранизациях. Здесь много интересного, хотя пишет Быков довольно скупой и явной оглядкой на цензуру. Приведу несколько примеров.

В начале 1960-х он работал над повестью «Альпийская баллада» (15.07.1963). По словам автора, «писалась она трудно», — и, как он признавался в одном из писем, «не совсем получилась». Самооценка Быкова совпадала с анализом и выводами его лучшего критика и друга Лазаря Лазарева, не считавшего эту вещь большой удачей¹⁹.

Быков писал о перипетиях с публикацией этой повести, полном произволе цензуры и издателей. Так журнал «Огонек» начал печатать «Альпийскую балладу» первым, чему Быков, учитывая популярность издания, вначале обрадовался. Но — без разрешения автора — редакция безбожно сокращала и искажала текст.

«“Огонек” закончил печатать (в № 16) “балладу”. Хотя я очень недоволен этой публикацией — так недоволен, что даже возмущаюсь — они там бесцеремонно и сократили, выбросили всю социальность, весь конфликт, и даже не оговорили об этом сокращении в сноске, как я того просил в специальном письме на имя заместителя редактора. Все это, конечно, мало радует каждого, а меня так просто угнетает. Мне стыдно» (27.04.1964).

Потом не менее безобразно, публикуя повесть отдельным изданием, повела себя «Роман-газета». Быков очень переживал, хотя относился к происходящему с обычным для него стоицизмом: «Но бог с ними, что я могу сделать? Что может сделать бесправный одиночка-автор перед лицом мощной государственной машины, такой как издательство?» (27.04.1964). Нужно сказать, что с «Альпийской балладой» был тот случай, когда публика

восприняла текст иначе, нежели писатель и критик. Помню, с каким упоением и я ребенком, и взрослые читали эту повесть, популярность которой остается неизменной по сей день.

Иногда требования издательств и цензуры превращались в абсурд. В «Театральном романе» Михаила Булгакова актер Пётр Бомбардов предупреждает драматурга Максудова перед чтением пьесы Ивану Васильевичу (имя, под которым изображен Константин Станиславский):

— Там выстрел в третьем акте, так вы его не читайте...

— Как не читать, когда он застрелился?!²⁰

Аналогичный случай произошел с Василем Быковым в его общении с редакторами и цензорами.

«Теперь ведутся переговоры с “Юностью” (редактор Борис Полевой) относительно “Западни”. Хотят напечатать, но требуют снять последнюю главу с самоубийством героя, а я на это пойти не могу. В этой главе весь смысл вещи» (24.07.1964).

Душевная и профессиональная усталость и раздражение от нелепостей и придинок цензуры и официальной критики читаются в иронии писателя, относящейся к повести «Мертвым не больно»: «В последней своей повести малость допустил идейный перекося, неправильно изобразил солдат и офицеров, очернил героизм. Как ни стараюсь, все как-то не получается. Не знаю, что и делать. Видно, придется оставить перо да основательно засесть за марксистско-ленинскую философию. Там надеюсь найти многие ответы на вопросы, связанные с минувшей войной, которую, оказывается, знаю недостаточно» (29.09.1967).

В 1967 году прошел IV Всесоюзный съезд писателей. Его главным событием было письмо Александра Солженицына с призывом отмены цензуры. До Гродно оно, очевидно, дошло не сразу, или Быков не стал о нем писать из цензурных соображений. Но он следил за официальными докладами и отмечал с неизменной иронией: «Недавно прошел съезд в Москве, наверное, о нем ты уже знаешь из прессы, другого сколько-нибудь интересного к тому, что печаталось, добавить нечего. Съезд был юбилейный, совершенно торжественный по тону, глубокие или острые разговоры были исключены самой сутью докладов. Так в докладе по прозе, который сделал Марков, в негативном смысле упоминались лишь Быков и Можаяев, вся же другая литература — около 7000 литераторов работали в промежутке между съездами весьма успешно и правильно» (10.06.1967).

Экранизации произведений Быкова были для него, как и для всякого писателя, непростым опытом. Текст, переведенный на язык кинематографии, выходит из-под полного контроля писателя. Главным оказывается режиссер и его видение материала. Быков писал, что работать над созданием фильмов (приводя пример «Третьей ракеты») было интересно, но нелегко: «Кинофильм свой я уже закончил, все сдано... где-то в июле–августе он выйдет на экраны. Получилось не очень хорошо, но в этом я виноват менее других, кино у нас целиком в руках режиссера. У автора же сценария и прав, и возможностей очень немного. А работать в кино в общем интересно и, чувствую я, при некоторых благоприятных условиях сделать можно много. Но для этого надобно быть самому и постановщиком» (03.05.1963).

Фильм «Третья ракета», снятый режиссером Ричардом Викторовым на киностудии «Беларусьфильм», долго не выпускали на экраны из-за «пацифизма» — обычный жупел того времени²¹: «В остальном в жизни мало

радостного, с фильмом плохо: говорят в Москве — пацифизм. На экран пока не пускают. Режиссер переживает очень, я — ничего. Уже научился» (15.07.1963).

Но осенью 1963 года фильм все-таки вышел в прокат. И Быков был явно обрадован и горд, когда в 1964-м на кинофестивале четырех республик, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии, он получил премию за фильм «Третья ракета» как лучший сценарист (07.04.1964).

И все же в «важнейшее из искусств» цензура вмешивалась еще более жестко, чем в литературу. О съемках фильма по повести «Альпийская баллада» («Беларусьфильм», режиссер Борис Степанов, 1965) Быков писал: «С кино дело затягивается, обнаружили несогласия начальства, сценарий проходит длительную стадию рассмотрения (8 инстанций), каждая старается его улучшить, в результате получается нечто, мало общего имеющее с искусством» (27.04.1964).

Все помнят историю Александра Солженицына, арестованного в действующей армии в 1945 году. Поводом послужила его переписка с Николаем Виткевичем, в которой они завуалированно, как им тогда казалось, обсуждали политическую ситуацию в стране, называя Сталина «паханом». Их «шифр» оказался легким кроссвордом для военной цензуры. Результатом для Солженицына стал приговор к восьми годам лагерей и вечной ссылке. По моим наблюдениям, поколение, прошедшее через опыт военной цензуры, осталось осторожным в переписке на многие годы, по меньшей мере, до ранних 1990-х.

В письмах болгарскому другу Быков очень ясно сознавал вероятность и даже неизбежность перлюстрации. С обычной для него деликатностью Василь Владимирович старался писать так, чтобы избежать неприятностей и для себя, и для своего «выездного» друга. Это можно иллюстрировать на двух примерах.

1 декабря 1962 года первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв посетил экспозицию художников-авангардистов в Манеже. Визит закончился скандалом: советский руководитель раскричался, потребовал закрыть выставку, назвав ее «безобразием» и обозвав художников, в частности скульптора Эрнста Неизвестного, нецензурным словом. За этой встречей последовал ряд других встреч партийных функционеров с представителями творческой интеллигенции. Почти все они кончались явными или приглушенными конфликтами и взаимным недовольством. Это были большие встряски, широко обсуждавшиеся в кругах интеллигенции. Быков писал очень осторожно, не высказываясь, и с явной оглядкой на возможного цензора: «Я читал недавно в газетах, что и у вас в Болгарии состоялась встреча руководителей партии с литераторами. Интересно, какой оборот, характер приняло у вас это мероприятие?» (03.05.1963).

Второй пример. В письме от 15 июля 1963-го Быков делился своими чувствами: «Много есть на душе, но всего не напишешь... Сейчас читаем письмо китайцев и ответ ЦК КПСС».

Мао Цзэдун был крайне недоволен докладом Хрущёва на XX съезде КПСС (1956 год), разоблачением культа личности Сталина и информацией о существовании ГУЛАГа. Утверждение линии на десталинизацию (хотя и частичную) было подтверждено на XXII съезде КПСС (1961 год). Президиум Китайской компартии написал письмо протеста, обвиняя Хрущёва и руководство КПСС в ревизионизме. В «Правде» за 14 июля 1963 года на четырех полосах было опубликовано это письмо и ответ ЦК КПСС. Вернее, наоборот: на трех первых страницах был опубликован ответ ЦК КПСС, а на четвертой — само китайское письмо. Эти письма стали важнейшей темой разговоров либеральной интеллигенции, но вся тема сталинизма оказалась уже

такой острой и небезопасной, что обсуждать ее более подробно в письме зарубежному другу Быков не решился. Такие примеры можно умножить.

* * *

В заключение нужно сказать, что Игорь Костецкий оказался совершенно прав: письма Василя Быкова необходимо было сохранить. Но сейчас пришла пора опубликовать их — не только как «волнующий человеческий документ», но и как представление великого писателя о себе, своей работе и чертах времени в трудную для жизни и творчества советскую эпоху. Эти письма дополняют личным свидетельством биографии и жизнеописания писателя, созданные Сергеем Шапраном²² и Зинаидой Гимпелевич²³. Проводимая работа по подробному комментированию писем позволит воссоздать полный фон, подробно проанализировать тексты и полностью оценить значение всей переписки и дружбы в жизни прозаика.

1 Archiv der Forschungsstelle Osteuropa (FSO), Universität Bremen: Ihor G. Kostetzky, Fond 01–242. <https://archiv.fso-bremen.de/en/archive/collection/356bdb9b-4d96-48b4-91e9-ddd7dfaaba3e/>. Архив Игоря Костецкого не каталогизирован, поэтому дать точных указаний на хранение документов не представляется возможным. После каждого письма Василя Быкова в скобках будет указана дата написания. В очень редких случаях Быков указывал только год.

2 Н. Мандельштам. Воспоминания. — М., 1989. — С. 19–22.

3 В. Быкаў. Болгария — Белоруссия // Поўны збор твораў у 14 тамах. Т. 10, кн. 2. Артыкулы, эсэ, прамовы, выступленні, інтэрв’ю, гутаркі, калектыўныя творы (1981–1990). — Мінск, 2019. — С. 29–30.

4 В. Быков. Долгая дорога домой. — М.: Минск, 2005. — С. 133–134.

5 В. Быкаў. Болгария — Белоруссия. — С. 29–30.

6 В. Быков. Долгая дорога домой. — С. 139–140.

7 Газета называлась «Гродзенская праўда» («Гродненская правда») и выходила на белорусском языке.

8 В. Быков. Долгая дорога домой. — С. 203.

9 Arnold V. McMillin. A history of Belyorussian literature from its origin to the present day. — Giessen: Schmitz, 1977. — 447 p.

10 В. Быков. Тюрьма «Траум». Предисловие и перевод с белорусского Светланы Шнитман-МакМиллин // Знамя, 2018, № 3. URL: <http://znamit.ru/publication.php?id=6857>.

11 В. Ерофеев. Если меня приговорят к повешению. С писателем беседовала И. Тосунян // Мой очень жизненный путь. — М., 1990. — С. 512.

12 С. Шнитман-МакМиллин. Георгий Владимов: бремя рыцарства. — М., 2022. — С. 148.

13 Там же. — С. 307.

14 М. Шолохов. Речь на XX съезде КПСС // Собрание сочинений в 8 томах. — М., 1960. — Т. 8. С. 317–331.

15 Л. Чуковская. Процесс исключения. — М., 1996. — С. 327–331.

16 В. Быков. Долгая дорога домой. — С. 231–233.

17 В. Ерофеев. Москва — Петушки // Мой очень жизненный путь. — С. 168.

18 Н. Вълчев. Васил Биков // Попътни срещи. Книга вторая. — София, 2007. — С. 113–133.

19 Л. Лазарев. Василь Быков. — М., 1979. — С. 66–67.

20 М. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) // Собрание сочинений в 4 томах. — М., 1990. — Т. 4. С. 481.

21 Так, пьеса Г. Владимова «Шестой солдат», написанная по заказу Театра советской армии, была запрещена цензурой из-за «пацифизма» (С. Шнитман-МакМиллин. Георгий Владимов: бремя рыцарства. — С. 248).

22 С. Шапран. Василь Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. У 2 ч. — Минск: Гародня, 2009.

23 З. Гимпелевич. Василь Быков: книги и судьба. — М., 2011.